

Направление

Память

Автор публикации

АНДРЕЙ АНТИПИН

“ЗЕМЛИ ПЕЧАЛЬНЫЙ СЫН...”

К 90-летию со дня рождения Виктора Баянова

И фамилия у него славная, песенная. И стихи, исполненные той дивной прелести, от которой мы давно отлучены, как от груди матери. И от этого, без телесной осязаемости всего родного и близкого, плуаем в сумраке своих неживых книжек, слепо тычемся, как щенки, всё ищем забытый запах тепла, молока, жизни. И редко, лишь по счастливому случаю, находим – в поэзии былых мастеров. Ибо только в ней, как в янтарной смоле, залипают все эти священные для нас предметы и смыслы, без которых, кажется, нет нам просвета. И сами мы без этого всего, без ясного высверка высокого поэтического слова – никто и, пожалуй, ничто на земле, сердца нам студит бумажный холод страниц. И вдруг что-то такое напряжет слух – не то пасхальный перезвон, не то окрик отчей речи. И тревожно оглядишься окрест, и не то что рассудком, а, как предрекал Гоголь, – «всем, что у тебя есть», почувствуешь себя русским человеком. И невольно пойдешь вперед – навстречу этому звону, этому окрику, вообще той сродности, в какой ты расслышал себя среди сотен и тысяч других голосов мира и через неё, эту сродность, может быть, впервые научился по-настоящему любить и свой род, и народ, и свою печальную Родину...

Теперь не знаю – в шесть ли, в семь ли,

А может быть, чуть-чуть поздней? –

Я полюбил вот эту землю

И всё цветущее на ней.

Иные равнодушны к рощам,

А мне бы снова в дебри те,

Где я учился между прочим

И красоте, и доброте.

Я пил прохладный сок берёзы

В старинных русских туесах,

И оттого мой чуб – белёсый

И зелень лёгкая в глазах.

И вот теперь, большой и рослый,

Я вижу, что неотделим

От этой тёплой, этой росной,

От русской утренней земли,

Где молодое сено косят,

Где ветка каждая цветёт.

Земля моя меня не бросит
И никогда не подведёт.

Земля – наиболее частый образ у кемеровчанина Виктора Баянова. А ещё в его пейзаже есть изба, рябина, пожни, согры, речка, речные излучки, родниковые ключи... Нет, это не архаикой областных словарей под толщей библиотечной пыли – запахом вековой России тянет со страниц баяновских книг. Это даль между духом и телом, словом и явлением истончилась настолько, что как будто и вовсе пропала – надулась прозрачным шариком и схлопнулась, оставив нас один на один с той начальной подлинностью вещей, от какой слово и произошло в мучительных попытках называния всего сущего по имени. Это чуткая душа поэта прошлась по земле вот уж действительно босиком, ощущая каждую колкую травинку, каждый камешек, всякую полость или даже малую щербинку, и не вымычала ничего в насадном сидении за столом, но взяла всё, чем бы ни очаровалась, по праву, каким-то естественным порядком – как с куста. Потому-то и нас, читателей, радостно пустившихся за поэтом по тёплым вмятинам от его следов, ожигает тем же всё равно что воскресшим из дней детства чувством восторга от этой нашей искренней приязни ко всему, что бы ни встретилось на пути и что потом, много лет спустя, будет беречь нашу память, как, вероятно, самые сильные и глубокие переживания сердца.

Это было, было, было
Так давно, чуть помню сам —
В год, когда ещё рябина
Густо рдела по лесам.
В сограх, в травах, буйно росших,
Пели звонкие ключи.
Без помехи в белых рощах
Жировали косачи.
И у каждой у излучки
Рябь речную, как хлыстом,
От избытка жизни щуки
Били радужным хвостом.

Впрочем, не только узорная картинка, не одно лишь свойство впечатлительной природы. Тут и музыка хороша, и слог природный, не сбиваемый ничьим иным дыханием, враждебным строем чужой речи. Оттого-то и не сыскать здесь не то что зауми, но хотя бы единой пустопорожней придумки, а всему, напротив, присущи деловитость и та внятная простота, чем славилась муза былого дня – от прекрасных песнопевцев девятнадцатого столетия до последнего истинно великого и вот уж несомненно народного русского национального поэта, достойно завершившего век двадцатый, – Александра Трифоновича Твардовского. Вот и в стихах Виктора Баянова эта самая «святая простота», за которую и хвалили, и давали по шапке, столь же обыкновенна и ничуть не притворна, как, увы, бывает у некоторых сочинителей из простонародья. К месту и сказовость манеры, и сюжетность, и детали, что более приличны, казалось бы, для прозы, чем для поэзии. И в этом, если приглядеться да вдуматься, есть свой тайный резон: поэзия сохраняет сам дух жизни, а проза в своём любовании мелочами скрупулёзно припасает сокровенные приметы: «Я за войну привык к заплаткам. // Обнов выпрашивать не смел / И путал горькое со сладким, /

Поскольку сладкого не ел». Может быть, именно в спайке высокого и низкого, небесного и земного, вечного – и той презренной тщеты, что образует наше жизненное устройство, мы теперь и распознаём ту Россию, которую прежде не узнали в самих себе, хотя, казалось бы, ничто нас от неё не отделяло, а вся она, как есть, была тут, с нами, по эту сторону межи. Однако понадобились годы, чтобы она сама нашла нас, столь неотзывных и чёрствых, и выговорила перед нами ещё дышащей красотой своих давнишних книжек:

Ну и день на простой олегчалой земле!
Так просторно кругом, осиянно, рябиново.
Будто в мае, орут петухи на селе,
И на небе ни облачка нет. Ни единого.
Бездорожьем бредёшь наугад, на авось.
Друг за дружкойю листья, как бабочки, гонятся.
То ль воркует ручей, просветлённый насквозь,
То ли в зарослях тёмных невестится горлица.
Мшеет сруб родниковый, наполненный всклень.
В нём вода – не вода, а медвяная бражица.
И от горьких осин даже слабая тень
В этот солнечный день неуместною кажется.
Хорошо, что зовут – а зовут неспроста –
Этот лес, этот дол, дальше – тихая пасека.
Хорошо, что любимые с детства места
Привечают, как сына, тебя, а не пасынка.
Впредь, каким бы ты холодом ни был продут
И какая бы слякоть ни пала на пажити,
Знаю я: дни остуд отойдут, пропадут,
А вот это навеки останется в памяти.

...Я намеренно дал этой краткой заметке неточное название. Нет, «печальный сын» – это не о Викторе Баянове. Поэт он – светлый, боговдохновенный, но – вчерашний. Уже даже не отголосок, а – молчок. Не уходящая – ушедшая натура. И в этом печаль – не для него, положим, а для нас, сегодняшних. Но и радость, и подмога, и духовная пища на всякий день. И надежда: натура ушла, а стихи остались.